

Илья Кучеров

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Валерий Земских,*
Маргарита Каганова

Илья Кучеров

Стихотворения / Серия «Русский Гулливер». —
М.: Центр современной литературы, 2009. — 68 с.

ISBN 978-5-91627-019-8

© И. Кучеров, 2009

© С. Бодрунова, предисловие, 2009

© Русский Гулливер, 2009

© Центр современной литературы, 2009

об авторе

Илья Кучеров (1965) закончил Лесотехническую Академию, кандидат биологических наук. Книга стихов «Морской конек» (1999); стихи печатались в «Литературной газете», альманахе «Крещатик» и др.

ПОЧТИ МАГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

О СТИХАХ ИЛЬИ КУЧЕРОВА

Книга, которая перед вами, потребует от вас иногда останавливаться и закрывать глаза; она потребует, чтобы внутренняя поверхность ваших век стала экраном, на котором будет формироваться образ, которому нет еще имени. Можно ли сделать лучший комплимент книге стихов?

Илья Кучеров не из самых молодых авторов — он родился в 1965 году и пишет уже около четверти века; его первая книга, «Морской конек», вышла десять лет назад, стихи его представлены на сайте «Новая Камера Хранения». И все-таки его известность, даже в литературных кругах, недостаточна. Возможно, это связано с тем, что сам он долгое время не придавал своим стихам должного значения и не заботился об их публикации. Ведь поэзия — не единственное его поприще: Кучеров — биолог, специалист по таежной и тундровой флоре, обездививший с научными экспедициями чуть ли ни весь север России, от Мурманска до Анадыря.

Каждый поэтический текст Кучерова состоит из настолько разных культурных, исторических и иных фрагментов, что временами возникает впечатление мозаики. Но постепенно разномастный ряд образов затягивает читателя. А главное, картинка словно упрощается к концу, приходит к цельному образу — но образ этот нельзя понять глубоко, не пройдя перед этим весь текст стихотворения. И для прояснения того последнего образа, который остается в читателе как послекусие, годится любой контекст и даже любое сочетание контекстов, имеющих самые, казалось бы, отдаленные связи.

7

У Кучерова это не окружающая его (и нас) действительность меняющейся страны, а словно застывший водопад истории, который распадается на фрагменты, как головоломка-пазл; и эти фрагменты могут комбинироваться для создания многомерного, многосветового, что ли, ощущения от текста. В лучших стихотворениях найденные автором (и — вслед — находящиеся читателем) связи между контекстами складываются в непростое единство.

В 2000-е поэтика Кучерова консолидируется, если такое слово уместно. «Морской конек» полон контекстуальных паззлов; более поздние тексты используют ту же технику, но элементы уже не культурно обусловлены, а скорее порождены непосредственными впечатлениями окружающего мира. В итоге реальность становится почти магической, а кусочки воображаемой смальты прилегают друг к другу теснее, формируя уже не картинку, но картину.

8

Фрагментарность и собирательность чревата как минимум одной опасностью: несоразмерностью образа и фона. Но с каждым годом в стихах Кучерова их соотношение становится точнее.

В общем, читать медленно и спокойно. Следить за движением мира на внутренней стороне век.

Светлана Бодрунова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИЗ КНИГИ
«МОРСКОЙ КОНЕК»

ГЕРАЛЬДИКА

Что будет на гербе, того не миновать.
С тех пор, как наша степь очерчена Страбоном,
Балтийский леопард поставлен воевать
Пределы Азии, лежащие за Доном.

Там ходят люди с головами псов,
Олень стучит копытами в ворота,
И где-то в глубине серебряных лесов
Цветут лазурь и позолота.

Там белый витязь башню стережет
И тяжелой булавой приветственно вращает;
Он подвиг совершит и город подожжет,
Но даже этот грех Владычица прощает.

11

А дальше — вечный день и вечная весна,
Где светят соловьи у каждого алькова,
Взлетает роза, падает луна,
И рвется в небеса крылатая подкова.

Зачем же сущности всегда разделены
Девизом и копьем, финифтью и эмалью —
Мы только видим упоительные сны,
Как женщиной, пленясь немой согдийской далью.

И, выйдя на войну и падая на снег,
Навек раскрашенный лазоревым и алым,
Ты вспоминаешь, что вчера во сне
Она тебя и впрямь поцеловала.

1995

* * *

Моя Норвегия, где я ни разу не был,
Печалится, и ждет, и плачет за чертой,
Где лестница морей уводит прямо в небо,
И мутная заря сочится пустотой.

По небу шпиль летит, и Старый Томас мчится,
Сжимая черный флаг железной рукой;
Русалка датская у ног его струится
И молит с корабля уволить на покой.

12

По мокрым берегам вышагивают сосны,
Корнями шевелят, жуют морское дно
И стерегут, когда обманчивые весны
Набросят маскхалат на каждое окно.

Они ломают строй, свистят и ждут ответа,
Но атаман молчит и рвется в облака, —
Лишь в небесах небес до самого рассвета
Сжимает флаг его железная рука.

Я не меняю твердь на беженку в ковчеге —
Меж небом и водой не вымолить огня.
Деревья хлещут ром, мечтают о побеге,
Моя Норвегия напрасно ждет меня.

1995

* * *

...Редеет облаков летучая гряда.

А. С. Пушкин

Когда над городом сгустится тишина,
Опять, как из ларца Пандоры,
Метро наполнится шагами Командора,
И Невский зачеркнет Китайская Стена.

Мы возвращаемся: ни мира, ни войны,
Лишь свист и шорох покоренной дали, —
Но нет таких личин, чтоб мы не увидали
Привычный абрис Петроградской стороны.

Здесь не Офелия — здесь мышь оплачет вас
В буфете, где ни круп, ни соли,
Лишь только догорят остатки силы воли
В окошке над Невой, где Феникс не погас.

Мы опускаемся у самой кромки льда
И, крылья складывая, замираем.
Мы подождем, пока вороньим граем
Очнутся ваши города.

Не поминай о мертвых никогда:
Они и так на облаке кочуют,
Но вмиг слетятся, только кровь почуют.
Редеет облаков летучая гряда.

1993

13

* * *

... Чтобы нам уехать на вокзал...

О. Мандельштам

Подари мне лезвие души
От людей, что прячутся в тиши.

Я уйду к заливу под сосну,
Под корнями старыми засну.

И во сне, огнем неопалим,
Я построю свой Ерусалим,

Где людей стрижет, как тополя,
Жадная до похоти земля.

Я возрасту, как дерево в лесу,
Я по веткам расточу росу,

Я вернусь — а мы уже ушли
На другую сторону Земли.

Пусть теперь разят из-за угла —
Вместо крови вытечет смола!

1994

ШАГИ КОМАНДОРА

В этом доме умирают кошки —
Знать, и мне придет пора,
И над кадишем в затрепанной обложке
Во дворе заплачет детвора:

Мендл, Мендл, ты идешь по кругу
С чашей у виска, пробитого дождем;
Где теперь найдешь себе подругу,
Где построишь дом?

В час, когда Творец затеплит ханукийю,
У твоих дверей завертится зима;
Звезды путь вершат —

да кто они такие,

Чтоб сводить тебя с ума?

Тишка, Тишка, где ты, киса Тишка? —
Мяу! — отвечает Тишка, — я лечу!
Этот мир как недописанная книжка,
Нам сверстать ее не по плечу.

Не тягаться черной кошке с василиском,
Он давно таится в глубине двора. —
Киска, киска, дай мне силы, киска,
Мне с тобой пора.

Мы с тобой взвоемся, словно дым осенний,
Словно желтый лист, летящий в небеса,
Мы с тобой прольемся под ноги растений,
В дальние, далекие леса.

1995–2006

* * *

Морозная заря качается над лесом,
И больше потерять не страшно никого:
Сосновый гроб давно томится под навесом —
Как первые цветы, всегда на одного.

От пепельных берез до вечномертвой хвои
Земля скопила яд в бестрепетной игле;
Не прикасайся к ней — она готова к бою:
Вобьет тебе кутак и заточит в скале.

Ни стих державинский, ни сталинские руны,
Ни падающий снег у нас над головой,
Не объяснили нам, пока мы были юны,
Что эта часть земли оставлена Тобой.

Ладони распахни — с них бабочка взовьется,
Навек огранена в гранитный лед.
Застывший водопад набухнет и взорвется.
Полуночный Гаспар непрошеным войдет.

1997

* * *

Этой ночью все деревья спешат раздеться,
Догадываясь что лета больше не будет.
В перевернутой банке свечным огарком лучится детство,
Да брусника манит вкусом под левой грудью.
Вечор, ты помнишь, нам Афродита пела
Про обретение новой — ледовой — плоти,
А нынче снова грохочет белая пена,
И птицы, прощаясь, пляшут в водовороте.
Не сомневаясь, что лета больше не будет,
Не бойся и выпей осень из белой фляги —
Это только кровь моросит из раны под грудью
И падает спелой брусникой на белый ягель.
Это птицы, крича, на юг улетают — знают,
Рыбы знают и лезут в омут,
Облетевшие листья в предутренний лед вмерзают,
К полудню он снова тает, и листья тонут.
Нам не надо рожать детей, а если придется,
Посади их в лодку: они научатся плавать;
Белый свет повернется, вряд ли кто-то вернется,
Но по ним уже некому будет плакать.
Им в каждом камне вырыт шум водопада,
Им ягель на плечи ляжет белой периной,
Не оглядываясь: нам уже ничего не надо.
Мы входим в новый ледниковый период.

17

1997

* * *

... Смерть! Где твоё жало?

Иоанн Златоуст

18

Когда на море падет лимонно-желтый закат,
Горбуша в реку пойдет искать Гефсиманский сад,
О камни брюхо кровить, выметывая икру,
Одну только ночь любить и умереть к утру.
Кровавый покров берез упал на твои холмы.
Мы верим, что всё всерьез, выныривая из тьмы,
Где рыбой кипит река, как десять жизней назад,
И падает в облака, серебря глаза.
Над нами кружится кит, в короне звездной дрожа,
Но из этой реки в него не метнуть ножа;
Я тоже стану китом, если останусь жив,
Вспенивая хвостом не воду, а рыбий жир.
Твоих плавников лучи уже не вморозить в лед
(На тундре ржанка кричит — никому не врет),
Уже не отнять руки, уже не отбросить пут
Той последней реки, где мертвые воду пьют.
Мы снова ворвемся в мир, где Бог на древе пропят,
Где плоть пробита до дыр, а душу кровью кропят,
Где красная (в хрустале) икра мерцает лучом,
Не различая во мгле, кто кому обречен.

1998

* * *

У кошки серые глаза. Лови ее, лови! —
Пока над городом гроза признается в любви,
Меня прожектор опалит пятиконечным льдом,
И голый, словно эвкалипт, я влезу в кошкин дом.

Она одна, всегда одна, и свет в ее окне,
Но свет, летящий из окна, теряется на дне,
Где ни кровинки на лице, лишь волосы плывут, —
И вязнет якорная цепь в придонную траву.

С тех пор прошел немалый срок, мой хвост давно облез,
Мы все в плену кошмарных снов, и времени в обрез.
Мы кормим бабочек зарей из кожаной горсти,
Она становится золой, и Солнце не спасти.

19

1987–1999

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Есть тайный сад камней среди монгольских орд,
Где каждый сотворил себе кумира.
Там птицы прячутся в тени медвежьих морд,
И к Маугли с небес спускается Багира.

Там одуванчики затлеют на лету,
Синица прорастет, и жимолость воспрянет,
И тени наших рук, пройдя сквозь пустоту,
Соединятся и в песок помянут.

Звезда без имени ворвется в зеркала,
Зажжет сухой бурьян у твоего порога,
Но ей не пройден путь, которым ты прошла,
Твоя кровавая и хрупкая дорога.

20

Над ней — молчание невидимых зверей,
Над ней — возносят крест в просвет сосновой кроны,
Над ней — не отступись, когда медведь-еврей
От нас потребует одной и той же крови.

Мы создаем мир из песни и песка,
Змеиным ядом наводняя жилы,
Пока синица не отвянет от виска,
Пока мы падаем, а значит — живы.

Пока душа твоя в янтарь облачена
И в зеркалах не может отразиться,
На шее Маугли — булатная весна:
Всем одуванчикам грозитя.

1997–1999

МОРСКОЙ КОНЕК

I.

Изготовится к бою лещина,
Волшебной палочкой хлестнет по плечу,
И будет четвертая годовщина
Камени, в котором я лечу.
Сквозь янтарь спешат разбуженные пчелы,
Зарянкой раскололась гнилая ель,
У водяного коня запутался в челке
Заблудившийся мертвый шмель:
Ему бы откреститься медвежьей дудкой,
Послать в Сибирь письмо без числа,
Но он уронил телефонную трубку,
И Анжелика его не спасла.
Водяному коню расчесывая гриву,
Прожив три года на дне реки,
Я увидел сквозь золотую гривну,
Как на сушу выходят мальки:
Одного полынь нагрестила кладью,
Другого в поле заклевал ковыль —
Выйди и ты, жеребец украденый,
Воротись на запах своих кобыл!
Анжелика отмерит, чего ты стоил,
И вознесет на гребень волны.
Вы были семенем, а станете солью:
Ей все моря полны.

II. ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА

*Едет дядя Муравей, Три аршина меж бровей,
Уши как у трупа, Морда как залуна.
Здравствуй, дядя Муравей и т. д.
Архангельская частушка*

Над полями реет конская хвороба,
Дядя Муравей оглобли погоняет,
Ветер празднует сошествие из гроба,
Всем усопшим занавески отворяет.

Там, в чулане, притаилась Ойкумена,
Ей уже вовек не выйти из запоя, —
Выбей головой бревенчатую стену,
Если дверь перед тобой закроет.

22

Нам не важно, кто был первым, кто последним —
Так и жить, и оживлять намного проще.
Даже если в пламени посмертном
Янтарем истает пахотная почва —

Жимолость наполнится соленым медом,
Обещая пчелам клейкую усладу,
И воскресшие отцы пойдут по водам
К неприступному паскудному Царьграду.

Здравствуй, Ойкумена! Выпей чашу с ядом!
Прячься от огня под каменные своды —
Все равно ты ляжешь вместе с нами рядом
На алтарь преполовления Природы.

Мы не зря ломали на дверях засовы,
Мы не зря коней гоняли над полями,
Если вознесется колтуном сосновым
Муравейник на родительской поляне.

III.

Береженого Бог бережет. Выйди из лодки,
Увидишь, как лошадь переплывает реку.
Припади губами к ее золотому лону,
Неизбежному, словно конец века.

Выбери берег, каменный и кровавый,
Где парад планет над отрубленной головою, —
Или *тот*, песчаный, обещающий и коварный,
Шелестящий русской разрыв-травой.

Там дождь прольется сквозь крыши обсерваторий,
Там жизнь прошла, а я ничего не сделал,
Там можно упиться собственной правотою,
Вливая в голову гулкое злое зелье.

23

Мир не склонился к твоим ногам. Поиски смысла
Не принесли забвенья в любовном стоне.
Вернулся домой — и видишь: жена повисла
Мертвой Корделией на колокольном звоне.

IV.

Кораблик заливают морскими волнами.

Хлыстовская песня

24

Анжелика уснула в своем серале,
Ей на работу вставать чуть свет,
Но планета, которую мы украли,
Вскрикивая, поскачет за нею вслед.
Мы жили в доме с протекающей крышей,
Над нами лебеди летели на юг,
И при каждом знамении свыше
Мы неслышно сходились в кулачном бою.
Видишь, Иаков борется с Богом,
У Него из-под век набежала гроза;
Месяц в поднебесье уперся рогом,
Не смеет людям поглядеть в глаза.
Когда под крылом пролетает вечность
Лебединой ласточкой небесных слез,
Заснеженным дыханием последней встречи —
Об этом нельзя сожалеть всерьез.

V. БАЛЛАДА О НЕРАСТРАЧЕННОМ ВОСХОДЕ

...And never the twain shall meet...

R.Kipling. The Ballad of East and West

О, Запад был Запад, Восток был Восток, но с места они сошли,
Их всех засосал поющий песок, что ждет у края земли, —
А вокруг песчаные корабли копытами ели Марс,
И мысли, дробясь в дорожной пыли, не замечали нас.
Солнце встает, Бог подает, дьявол зовет в кабак:
Там Олаф Лейлу достает, пока поет набат.
Там вечная слава для всех котят под знаком тухлой звезды,
Они, как прежде, на юг летят, желая живой воды.

А над Балтикой звезды падают (Am E E⁷ Am)

И прохожему сердце радуют, (A⁷ Dm)

Но одна из них нас с тобой хранит (A⁷ Dm Am)

И, когда умрем, обратит в гранит — (Em F[#] H⁷)

25

Decrescit Phæbe, quæ modo plena fuit.

Загорится вереск в чужих волосах — приблизить вороний скок,
Но в жилах у тех, кто встал на часах, потек березовый сок.
Звезда упадет на источники вод, и воды станут горьки,
И Олаф Лейлу призовет движением руки.
Лес нахмурил брови и встал на носки, но гон его миновал:
Пускай горихвостки умрут с тоски — это полный провал,
И все подобия Божества придут в единый порыв,
Если с темных веток слетит листва, и вновь объявят отлив.

Над Карелией небо хмурится,

По-над елями птицы шурятся;

Там моя любовь третий год одна,

Я и рад бы к ней, да кругом война —

Cum bene Sol nituit, redditur Oceano.

Когда упадет седьмая печать, Магелланы побьют рекорд,
Но никто не вышел их встречать в промозглый Ванинский порт;
Каравеллы дали прощальный залп и пошли к ближайшей пивной,
И Олаф Лейлу на руки взял и канул в мир иной.

Им поет застиранная заря, взметаясь из-под копыт,
О том, что у каждого глухаря зоб камнями набит,
Стрелок малиновкой убит (не вышел в егеря),
А значит — кровь солоней любви, когда вокруг лагеря.
Сегодня в бой идет трава, и ей мешать не сметь:
Чужие, тайные слова ведут ее на смерть.

И плывет восход к мысу Дежнева,
Там, упав на лед, небо держится,
А весна придет, разведет огонь —
И оно падет на твою ладонь.

*Nihil durare potest tempore perpetuo.
Cum bene Sol nituit, redditur Oceano.
Decrescit Phœbe, quæ modo plena fuit.
Venerum feritas sæpe fit aura levis.**

26

* Нет ничего на земле, что продолжается вечно.
Солнце, едва просияв, сядет опять в океан.
Вновь на ущербе Луна, только что бывшая полной.
Так и жестокость любви ветра дыханья нежней.

К. Орфф. Catulli Carmina (Chorus).
[Автор признателен С. Завьялову
за помощь при переводе.]

VI. ЭПИЛОГ

Одиссей наконец вернулся к нимфе Калипсо,
Она чуть свет расцвела на еловых бревнах;
Толпа лестригонов ждет ее у калитки,
Хочет поймать и выщипать бабе брови.

Мы видим мир сквозь решетку на листьях рдеста,
Сквозь дражный гребень, где золото моют ртутью.
Полжизни прожито, и нам никуда не деться
От того, что стало твоей потаенной сутью:

Весна простучит по веткам вороньим клювом,
Осень наточит нож на Отца и Сына,
Звезда Бетельгейзе взлетит карусельным кругом,
Чтобы снова и снова на небосводе стынуть.

27

Так в осеннем метро одинокие пары кружат,
Но вечер настанет — тогда они обнаружат:
Господь был с ними, их хлеб называл причастьем.
Теперь им каждому выпало, с кем встречаться.

1999

* * *

По белому белым — пробеги по крышам домов
Обезумевшей белкой из форточного стекла;
Мы все прорастем туда, где судьба свела
В печальном блеске березового ствола.

По синему синим — не оставь на стекле следа.
За рекой туман укрывается под мостом;
В картонной коробке дремлет моя звезда,
Укрывшись от бед пушистым рыжим хвостом.
Ей наплевать на то, что будет потом.

28

В мире нет ничего, что больше нельзя предать,
Потому что я знаю: Вселенная за углом.
Лесные белки выйдут по мне рыдать
И ставить свечки, когда я начну опять
Барабанить зайцем или скакать козлом
На дальней паперти между Добром и Злом.

Я устал стучаться в твои чужие стволы,
Я не стану жить, по веткам во власть входя,
Я уйду туда, где звезды белым-белы,
Туда, где береза наконец-то слезет с иглы
И станет *в белом*, как невеста после дождя.

1997

ВЕЛИКАЯ СУШЬ

В сельском клубе проводы в армию до рассвета;
Самогон кипит из гнилой корчаги;
Заезженная заводная звезда (а может, комета)
Под потолком головой качает.
А когда сорвется — лисы покинут норы,
Сбросят листья на пришкольной делянке,
И низкое небо раскровянится в должную пору,
Так и не залетев на этой гулянке.
Лишь над крыльцом висит строка из постылой песни,
Костью выпрыгнув из девятого ряду горла,
Да сычи на ветках сидят, кричат друг другу: «Мы вместе!» —
Но неясно, куда и откуда несется голос.
Слушай, Израиль! Тина липнет к ладоням,
Деревья в стойлах мечтают о новом теле;
Они вспоминают меня еще молодого,
А я и не помню, было ли это на самом деле.
Судьба застыла, как будто родина в желтой глине,
Коза и корова запутались в паутине, —
Глиняной чашкой души не испить потока,
Пересохшего в средокрестье пустыни.
Мы все пережили время великой смуты,
Пока в овсах, от свободной любви дуря, —
Перепела отсчитывали минуты,
Равно отпущенные и эллину, и еврею, —
Но крик сына, загоревшись в дальнем болоте,
Девятикратно в мегафон отразился;
Наступает время делиться несвежей плотью,
Смерть наступает. С ней никто не сразился.

29

1999

ХОРОВОД

Монике Аасмяэ

Когда Господь путешествовал в Палестине,
И птиц, и лилий хватало на всех с лихвою.
Теперь так просто уйти за звездой в пустыню,
Куда сложнее расти травой полевойю.

И чет, и нечет вечер впотьмах схоронит.
Кузнечик скачет, по нем телебашня стонет.
Пройдешь сквозь невод — а невод тебя догонит.
Какое тело его ячея не тронет?

30

Когда последний лемминг в море утонет,
Когда последний эльф загорится в роще,
Куда как проще признать родовое имя,
Поставить прочерк, проследовать вслед за ними.

Где солнце сядет, там птица крылья раскроет,
Холодной водой из подземной реки напоит.
Морозный воздух с ладоней линии смоем,
Ведь в Ётунхейме душа ничего не стоит.

Зажги звезду и сознайся в ее бессилье —
Куда как проще искать оправданья в боли,
Вот только совесть ломает чужие крылья,
Горек хлеб, и солью солится воля.

Господь назначает время для каждой твари.
Скажи хоть слово — с горы покатятся камни.
Нагую землю оденут сорные травы.
Вот только солнце нельзя удержать руками.

1995

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

ПЕРВОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ

Я без роду, без племени вырос в глиняном поле,
Ветвился и цвел, а когда устал —
Ядовитые клешни в осеннее небо поднял,
Хвостом водяную жилу сыскал.

Сорокопут играет со мною в прятки:
То на ветку сядет, то мыша наколет на шип;
Велит пауку скорее работать пряжу —
Соткать колыбельную для души.

Завтра я найду потерянную хвоинку,
Обряжу лоскутком небеленого полотна
И, когда народ придет на ее поминки,
Вью в реку стакан вина —

33

И сразу над нами расцветет грозное небо
Вечным дождем в косые поля,
И полетят из дивных болот к чешуйчатым девам
Мальчики в коконах из поддельного хрусталя.

Включат музыку, и станет всех бесполезней
Тощий месяц, роящийся в облаках, —
Лишь заплачет странница в соседнем подъезде,
Что Дом Богородицы не вынести на руках.

1999

ВТОРОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ

Я к тебе прилечу, и коршуны над полями
Пересекут экватор летней жары,
Сухие травы поднимутся между нами
И сами лягут в установленные костры.

Ты не отчаивайся — это еще не осень, —
Да только листья желтеют в ее лучах,
И скоро июль последней зарянкой допет,
а после —
Певчий дрозд давно уже замолчал.

34

А я ему отвечал пересохшим свистом,
То ли плача вполголоса, то ли полусушута,
Сквозь толпы гербария, что еще не пролистан,
Листвой людей под небом летя,

Невысоко, вполмира. —
Хорошо ль тебе над полями,
В спираль закрутив, зачеркнуть простор?
Сухие ангелы, что выросли в нашем храме,
Поманят в обручальный спелый костер.

Но и после пламени, в котором не возродиться,
Из которого не возвратиться во все времена,
Я к тебе прилечу — бестелесной беспалой птицей,
Для которой снова звучит струна.

1999

* * *

В водосточной трубе застревает нога —
Значит, я не успел на драконьи бега,
Не стоял на последнем крутом берегу,
Что враги сберегли, да страна поднесла.
Там белеет бокал абсолютного зла,
Я хотел его выпить — да вот не могу.

Ни завязтых врагов соколиная статья,
Ни случайных волков белобрысая прыть
Не помогут тебе до конца пролистать,
Пересилить, препятствовать, попросту быть.
И не надо испытывать чувства вины —
Нас и помнить не надо, и знать ни к чему,
Все мы пена случайно взлетевшей волны,
Что вот-вот разобьется и канет во тьму,
А за гробом не будем ни я и ни ты —
Только черный дрожащий пузырь пустоты.

35

Но порою бывает обидно до слез,
Оттого, что левкоями пахнет мороз,
Оттого, что на льдине усталый скворец
Побивает рекорд караульных сердец.
Это ветер звучит в неизведанный фьорд
И грозит пролетающим по небу псам,
Отражениям сплетен и каменных морд,
Варикозным, гуммозным косым парусам

2000

АДВЕНТ

Вторая родина — гнусавая латынь —
Кипит на кухне коммунальной,
Спешит погладить, — только ты остынь,
Сейчас со мной шалит квартальный.
Мы все уместимся на кончике зари
В стране размеренно-крахмальной,
Пока не возвестит удар часов финальный
Очнуться в облаке золы.

36

Парок от утюга стремится к потолку
И там свивается подобьем стяга,
Им беглый прапорщик потешного полку
Призвал на царствие варяга.
Он переделал мир бревенчатым штыком,
Измазал мелом, что отрез на платье —
Чтоб Золушка могла перевернуть распятые
Своим хрустальным каблуком.

Ко мне слетят мои собратья по петле
Во славу холода и боли,
Но на изнеженной, изверженной земле
В ходу совсем иные роли:
По дому едет черный воронок,
Жеглов с Шараповым спешат на дело —
И вновь им скалит зубы Лепорелло,
Взлетев под грязный потолок.

1999

ВЫСТАВКА

Вот НЛО парит над Витебском,
Вот дощатый сарай,
Старайся до него повытянуться
Да в каменке сгорай.

Оно опять прольется ливнями,
Пытаясь всех спасти,
Оно прозрачней белой лилии,
Просторнее сосны.

Мы были сильные и слабые,
Мы были, есть — и вот
Под облака спешим со славою,
Что вновь произойдет,

37

Произрастет слепыми вербами,
Подкаменной рекой,
И НЛО (в него ты веровал)
Подарит нам покой:

Оно по небу поворачивает,
И сбрасывает груз,
И гвоздь последний заколачивает
В сосновый тяжкий брус.

11.02.2000

СПАРТА

Он был моим братом и пил мое семя,
Пока я не стал за себя отвечать,
Но если настанет служебное время,
Нам вместе вращать рукоятку меча.

Зеленым налетом покроется лето,
Герой Перемышля выходит в дозор.
Пусти нас, Афина! С нас хватит полета
В овраг, где ракиты да вечный позор.

38

Во всех ошетенных, больше не нужных
Скворешня нацелилась дулом летка.
Афина! Птенцам не пробиться наружу,
Работа твоя нелегка.

Нам вечер пожалует медное небо,
Куда корабли снаряжают на слом.
Афина вонзается в нижнее нёбо,
Сова подберет рулевое весло.

Мы встретимся снова — за верснем, за жовтнем,
За красной Треблинкой, где юшку хлебал.
Я ниже нагнулся — а пламя не жжется,
Лишь рыба сожмется и канет в хлеба.

2000

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

I.

Где по мертвой бабе кричит петух,
Обвисая с каждым взмахом крыла,
До утра плесневет в седьмом поту
Хохлома да Гжель, что с тобой плыла.

Я не отдал врагу Вологодску грань,
Где шальная изба да на две стены,
А потом весь век на дуде играл,
Не сносил сапог, не согнул спины.

Над мякиной морей, над блядью болот
Спозаранок проложена колея,
У нее до рассвета душа болит,
Что царю под копыта легла змея,

39

Что от гиблых мест до колючих звезд,
Где ложатся ели, как крест, внахлест,
Ни единый грек не нашел погост
Схоронить ото всех заповедный гвоздь.

А какой в том прок, если все правы.
Если кто и влезет в запретный сад —
Сразу встанет полк из сырой травы,
В три ряда пойдет в барабаны сцать!

Вмиг загудит барабан-трава:
Вот тебе впритык за твои слова,
Хоть налейся, хоть спрячь милого дружка,
А уже не оправишься от прыжка.

II.

Если кинешься демону в ноги,
Будешь жив до вечерней зари,
Разомлешь от черной дороги
По которой текут фонари.

Но у края земли ветрового,
Где сливаются небо и медь,
По морям пробегают трамваи,
Возят к берегу сотовый мед.

Им знакомо, как солнце садится,
Им не стариться в вечном огне —
Лишь нельзя за окно наглядеться,
Если ты на ночной стороне.

Лишь заоблачный пористый камень
Птицу выплюнет на лету,
Бесполезными злыми руками
Прославляя свою пустоту.

Это мертвая Анна Андревна
Пробежала по невским волнам.
Снова плачет морская царевна,
Снова селезни подняли гам.

III.

Но светит из дыр преисподней
Хазарская злая луна.
Каган, опасений исполнен,
Бои́тся подня́ться со дна.
Его очертанья нерезки,
Его наугад узнаем
В изломе варяжьей подвески
С когтистым несатым зверьем.

Останется память могилы —
Дождливый речной перегной —
О белой одежде немилрой,
О горней тропе неродной.
Последний огарок погашен
В холодной избе кочевой,
И нету печальней и краше
Для этих зверей — ничего.

Они собираются в стаи,
Хохочут, зовут за собой
Изломанной метиной стали,
Что раньше венчала собор.
Я из дому выйду на дождик,
Пойду на курганы одна,
И нет ни малейшей надежды
Когда-то подня́ться со дна.

IV.

Вот они, леса, где полно черники...

И. Бродский

42

Потухшим бакеном, заметенным *волной морской*,
Каленым железом, равенством, братством
Мы пройдем по Питерской вместе с Тверской-Ямскою,
Что четвертое поколение живет пиратством.
Там жемчуга навзрыд раскрывают створки,
Они всему с полуслова верят,
Умиленным рылом глядя в глаза двустволки,
Словно мамонт, который еще не вырыт.
Там для сторожа всех важнее его овчарка,
Для безногого — скидка на День Победы;
Правда вылетит с грохотом, словно в лицо перчатка,
И развеется, не успев сосчитать обиды.
Оттого-то Урания старше Клио.
Она им ночной Ханкалой звучала,
А потом возвращала в холодный климат,
К одноногим деревьям, замершим у причала;
Я не буду читать китаб и мотаться в Мекку,
Пойду по земле, как все, нетверезым —
Господи! не вручай мне снова черную метку,
Вразуми мя прыгнуть с сухой березы.

V.

Сего ради не воскреснут нечестивии на суд.

Пс. 1

А вчера из навета выкинули строку,
Словно я из борьбы выбываю в самом соку,
Словно в нашем полку не воскрес усатый;
Может, дело во мне, только вряд ли дело во мне,
Если все записки, запрятанные в стене,
Помешали доставить до адресата.

Для меня что корсар, что генсек, нахмуривший бровь, —
Я опять ощущаю по жилам черную кровь,
Что расплавит ключи от любого здешнего рая —
И оставит стареть, ожидать начала зимы,
Наблюдать, как солнце падает за холмы,
Каждый вечер вновь и вновь умирая.

43

Я взыскую бессмертья, как всякий всерьез больной,
Словно после меня не останется ни одной
Правой-левой руки-ноги, чтоб начать движение,
Словно в вечности будет не та же голубизна,
Словно нас не рассудит большая, как слон, страна,
Подбирая со дна мое отраженье.

Для нее что балет, что жаворонка полет —
За холмами косач на лиственнице поет,
Между строк оправляя тусклые перья.
Там лежит у огня неизвестный спящий герой;
Там найдут и меня, но уже ко смерти второй,
Потому что не в меру гордился первой.

Над разбитым окном все тот же трамвай звенит,
Кукарекают камни, и звезды летят в зенит,
Соревнуясь в успехе с корабликом золоченым.
Ты закроешь глаза — а зрачок его сохранит.
И река омелеет, оденется вновь в гранит,
Оставаясь пожизненно заключенной.

2000–2002

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЗА ЧЕРТОЙ

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

Р. Хайнлайну

В доме с тысячей окон красotka ждет моряка.
Не дождавшись, катится под откос,
Прямо на дно канала — но цена велика
Краснеть от такой потери до самых корней волос.
Пароход вот-вот прибудет на Иордан
Зажигать слюдяную муру сигнальных огней.
Не понимая, кто прав, а кто наркоман,
Там какие-то боги ожидают последних дней.
От их очагов валит сладковатый дым.
Крюки лебедек его пасуют и мнут
И несут под крышу — а на крыше ждет пилигрим,
Избежавший глубин, а также сибирских руд.
Для него вот-вот настанут лучшие дни,
Ведь его хохолок беспардонно ал —
И когда гей-порно тоже зажжет огни,
Мы вместе почистим перышки, *глядя в Большой канал.*

47

Я прошел половину круга, чтобы землю отбросить вспять.
Из-под ног ускользя упрugo, она опять
Возвращается к первопричине, где закат и небо — одно,
Где соль становится сахаром, и вместе идут на дно,
Чтобы вместе таять. Но утром об этом лишь говорят.
Часы с Варшавой прокукуют где-то внизу,
И нужно подняться туда, где стекла горят,
Чтобы увидеть, куда уронить слезу.
Нет, напрасно на дне красotka ждет моряка,
Его пароход не догнать на кривой козе —
Он уходит к звездам, словно крик кулика,
Теряющийся в тумане над Зейдер-Зе.

2002

ТУННЕЛЬ ПОД ЛА-МАНШЕМ

Вот спускается стая циклопов уродливых,
Синие крылья сложа.
Каково им теперь, оказавшись без родины,
Остаться острее ножа?
Где им вертел вращать — он обугленный, плохо обточенный,
Словно мирное время, текущее вспять, —
Там облезли стада, облетели цветы на обочинах,
Человечины с бою не взять.

48

По соседнему трапу спешат холодильные демоны,
У которых в груди ледяной водопад.
Неизвестный металл, из которого все они сделаны,
Мелкий дождь разъедает до пят.
Им придется погибнуть — но пока им не время раскаяться,
Им нельзя оставаться на твердой земле,
Словно тетке-лягушке, что в клюве у белого аиста
Перепрыгнула Па-де-Кале.

Вот и мы перешли в обреченное холоду здание,
В темноту улетающих в Англию птиц.
Эта новая боль посылается мне в наказание,
Чтобы сдался и пал перед будущим ниц.
Но запомни: пока мы слабели и падали,
Одиссей обернулся пшеничным зерном —
В этих ангельских сферах, что цепь замыкают (не правда ли?)
Земноводным, икрыным звеном.

Там и воздух иной, да и время там вовсе не движется,
И деревья вовек не поднимут ветвей.
А у самого дна — только пеной лягушечьей дышится,
Если хочешь избавить себя от кровей.

И в надмирной войне, что близка к своему завершению,
Все недуги земные храня,
Одноглазые люди признают свое поражение
И замрут в ожидании Судного дня.

2002–2003

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Обуздав соловья, проявляй соловьиную прыть
Над ручьем-текунком, где холодные травы,
Где ошметку коры целый месяц до озера плыть —
Ну а ты поспеши, а иначе рискуешь простыть
И узнать, что врачи неминуемо правы.

Там над озером сонным в дозоре парит стрекоза,
Черный дрозд объявляет войну мировую.
Угляди сквозь ладони, пока не просохла слеза, —
А потом затемнение опять упадет на глаза,
И повалим призвание пить вкруговую.

50

Кто-то будет на зоне раздавленный сахар лизать,
Кто-то вольною волюшкой разметет обгоревшую крышу,
Кто-то с крыши начнет неуместно и жутко сползать,
А четвертый захочет последнее слово сказать,
Но ответ не сумеет услышать.

Уплыви на восход по забытой татарской меже,
По канаве лесной, по ручью Пиздомую,
Стань завзятой пылинкой на вечном карманном ноже —
Может, так и сумеешь уцелеть на крутом вираже,
Избежать повторения бед, что звенят надо мною.

Нам не стоит жалеть, что у нас ничего не сбылось.
Наш затерянный мир открывает заветные дали,
Чтобы в тигле плавильном нам все-таки сладко пилось,
Чтобы мы не боялись, привычно целуя взасос
Сокровенных чудовищ, которых мы вновь угадали.

2003

* * *

Одиссей обратился пшеничным зерном,
Чтоб зерно не осталось одно.
На вершине бархана, оставив весло,
Он песок превращает в вино.

Для него пересылкой в иные миры
Над пустыней алеет мираж.
Это пир для того, кто не принял дары,
Кто отвержен и больше не наш.

Погрузись с головой в эту дымную твердь,
В этот длинный и трудный закат.
То, что раньше казалось похожим на смерть,
На поверку сложнее стократ.

51

У дверей Пенелопы не спят женихи,
И зерно прорастает насквозь.
Бесполезно с богами играть в поддавки,
Раз у них ничего не сбылось.

Ты найдешь Атлантиду под слоем песка,
Потаенный цветок голубой.
Но никто не заметит, как дверь высока,
И никто не войдет за тобой.

2003

ВИДЕНИЯ

(СТИХИ О БОЛЕЗНИ)

I.

52

Говорили: последний автобус придет за мной,
Остальные останутся замерзать
В далекой Африке, между Велижем и луной,
О ней и полслова нельзя сказать.
И я себя вижу как будто со стороны
Спорящим о свободе веры с кем-то еще,
Но по другую сторону тишины,
Где ни холодно, ни горячо,
Где все желания давно прощены.
Остальным остается гордыню свою смирять,
Завершать, доделывать, другим доверять,
Дверь затворять — и снова себя терять,
Домовину заранее примерять.
Но это завтра, а пока мы еще в поре,
Вольготно спим на семи морях.
Собака уляжется у огня на ковре,
Бледный конь застынет в дверях.
Я ему поклонюсь, он поклонится мне.
Господин мой конь, неужели только слова
Эта страшная сказка на полдороге к луне,
Где сгорает в огне сухая трава?
Здравствуй, Звезда. Я ждал, когда ты придешь
Объявить, что ночь переходит в день.
Нам обещали правду, но это ложь
Для очень большого числа людей.

II.

А тридцатого ноги отнялись до плеч,
Невозможно понять чужеземную речь.

Наша огненная стая —
Птичьим стаям не чета —
Тихой песней пролетает
Там, где красная черта.
В небесах кастет играет,
Машет маленькой рукой,
Он горит и не сгорает,
Удаляясь на покой.

А у царицы хвост крысиный,
Только ты глаза не прячь:
Вот мешок из парусины
Преподносит ей палач.
Вот чехол из паутины
Надевают на картины,
Что лежат на чердаке —
Знать, приходит на крестины
Тот, кто с биркою в руке.

53

Славно режет месяц белый,
Звезды хлещут по бокам!
Обезглавленное тело
Передали по рукам.
Каждый сам его прославит,
Как увидит, как поймет:
Кто-то кровь свою оставит,
Кто навеки проклянет.

Я не знаю, доколе из мертвых восстал
Тот могучий мясник, что меня распластал,

Разровнял, и разнял — и оставил истечь,
Чтобы впредь понимал чужеземную речь.
Наблюдай эту жизнь и живи не дыша,
И когда на восток устремилась душа,
Значит, в нижнем лесу под железной луной
Одноногие кони нашли водопой.

III.

В. Шаламову — С. Стратановскому

По-над землей пересыльной в небесах вырубают кусты,
Крыльями хлопают: вдруг да попрятались где
Эмиссары из вражьего воинства?
Это верхняя тундра. А в нижней — летят ковыли мотыли
На забытый огонь фонаря, что ржавеет вдали,
Втихомолку, на воле. О Господи, что же Ты делаешь —
Выпустил в небо колонну легких железных людей!
От нее не спастись — разве только быльем обратись,
Мгебром кавказским, тычиночкой в лоне травы,
Полным, короче, отстоем. Иначе — догонят, найдут,
Плюнет в лицо малолетка и орден пожалует.

А не захочешь — попробуешь воду из кружки железной,
В Вологде, в тридцать втором.

55

2004–2007

СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА

Приди и слушай, как разводятся мосты,
Как лед шипит и тает у причала,
Как на Березовой стараются скворцы
В последний раз начать весну сначала.

Мой следующий день гниет под потолком
В глубокой голубой долине,
Его прозвали безволосым червяком,
Он станет Змеем Кундалини.

Он молод и горяч, и от рожденья слеп —
А значит, царствует по праву,
Распределяя инвалидный хлеб,
Звонкоголосую безногую отраву.

Пускай жируют козероги и тельцы —
Им не преодолеть зодиакальной грани:
Уже в шеренги строятся слепцы,
Переменяя смерть потоком черной брани.

Ореховый шербет раскатится в горах,
И Чацкий в третьем монологе,
Не в силах одолеть преображенный страх,
Застынет деревом на брошенном пороге.

2005

ЧИТАЯ В. В. РОЗАНОВА

Нас крестили огнем, не водою,
Не Владимир, так после него,
Оградили скитской немотою,
Исцелили само естество.

Чтобы Бога явить без изъянов,
Чтоб достать до небесных стропил,
Наш родной человек Селиванов
Трижды кряду себя оскопил.

За него мы стократно страдали
И стяжали багряный венец.
Он святил самого Государя,
Государем был тоже скопец.

57

С той поры возводились бараки,
Выгорала дурная трава,
И в безбрежно сияющем мраке
Петухов умножала братва.

Нецелованный край плащаницы
Озаряет тайгу до Саян,
Со счастливой улыбкой на лицах
Корабли кровенят окиян,

А кругом приворотное зелье
Выкипает и рушится в ад,
Чтоб не видеть, как в блеске веселья
Чудодейственно пляшет кастрат.

2007

ЧИТАЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Я делаю выбор и падаю вниз,
Привычно меняя оконный карниз
На мокрые камни двора.
А где-то внизу ожидает весна,
Что ловит прохожих, не ведая сна;
Она мне, конечно, сестра.

И встреча решится отскоком мяча;
Он выброшен в форточку так, сгоряча,
В расчете на нечет и чет, —
Но он упадет никакой стороной,
И все, что впоследствии будет со мной,
Из этого проистечет.

58

Отныне мы признаны слабым звеном,
И, сколько не смешивай воду с вином,
Сегодня уже не спасут.
Пусть мяч утверждает, что можно взлететь, —
Гораздо честней ничего не хотеть
И вместе явиться на Суд.

Наверное, это в тюремном бреду
Ты видел в Гашшарве и в Лунном аду,
Пока не пробили подъем.
Когда говорят, что рябое бело,
За каждой личиной скрывается зло,
И нужно стоять на своем.

Мы встретимся снова, как стрелки часов.
Ты сдвинешь наложенный мною засов,
Воскреснешь, когда я умру,
Забудешь прозренье, простишь произвол,
Чтоб снова ступить на неструганный пол
С душой, устремленной к добру.

Закон воздаянья велит искупить
Те дни, что еще не могли наступить,
Беду, что еще не была, —
Но надо проверить, имеет ли он
Обратную силу — как всякий закон,
Рожденный велением зла.

Прошедшее время стоит как стена.
Ты видел такое, что сам Сатана
Казался не так уж и плох,
А нынче осталась одна лишь игра,
Одна маета — словно взмах топора,
Деленный на выдох и вдох.

2008

59

* * *

Деревья приходят ко мне поутру.
(Наливай, дружок, наливай!)
Они слоняются по двору,
Как будто я вырос с ними в бору,
Как будто я вовек не умру.
(Наливай, дружок, наливай!)

Они стучатся ко мне в окно,
Как будто опять со мной заодно,
Как будто снова не все равно,
В какую землю врасти —
Развеять ее или сжать в горсти,
Измерить — и не спасти.

60

На ладони останется смятый хвощ
(По второй, дружок, по второй!),
Желтый лист из далеких лавровых рощ,
Нераскрытые темы — но шутки прочь:
Ведь я им ничем не могу помочь.
(И давай еще по одной!)

А они все водят водоворот
Дверей и ворот, полей и болот,
И в этой пляске который год
Мне никак себя не найти.
Быть может, я у них не в чести,
Однако нам по пути.

Я не знаю, где тут моя вина
(Под столом, болван, под столом!),
Но, когда мы выпьем горе до дна,
Мы взойдем на Древо, как в стреме́на, —
И каждая срубленная сосна
Вам в горле встанет колом!

2007

БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1900 г.

Мы выходим на площадь в предписанный судный день,
Под желтым небом справедливости и покоя,
Притопивая ногой по традиции школы Чень,
Откатываясь и снова рубя рукою.

А кто-то уже стреляет из-за угла,
И все, что учили, внезапно стало ненужным;
Всех дыханий на свете сильней дыхание зла,
Рожденное за стеной, на севере вьюжном.

Лихая година, не ломай мне спину трубой,
Я и сам потеряю зубы к концу апреля
И, закрыв глаза, войду в решающий бой
Не спеша, не споря и не имея цели.

61

Как учили в школе знаменитые мастера,
Спиралями ног прорастая к Желтому Предку,
Я выдохну в вечность все, что было вчера, —
Сквозь бетон, сквозь стены, сквозь небо в клетку.

И из трещины в штукатурке рванет гнойник.
Кто-то запнется, дыханье мое приемля,
Но подбросит кверху — и скажет, что ученик
Не прошел экзамен и опять упадет на землю.

Он перевернет и чуть-чуть отодвинет шар,
Такой сомнительный, весь голубой с зеленым,
Где бледная немочь снова зажжет пожар
И заставит всех умирать по своим законам.

2007

МАГЕЛЛАНЫ

I.

У калитки нет другой стороны,
За калиткою пустота.
В травяном океане, где все равны,
Теряется путь кота.

За калиткой спрятан запретный сад,
Где под утро все холодней.
Там тени от яблонь ложатся в ряд
С тенями змей и камней.

62

Светясь и дрожа в луче фонаря,
Слетает последний лист.
Тихий свист доносится с алтаря;
Кому-то спешить на свист.

Незамеченный берег встал у ворот,
Назавтра они падут.
Над деревней звездный коловорот
Вызывает на Божий суд.

— Наша возьмет! — говорит Мицар, —
Если ты заслужишь покой,
Все равно Альгол привстанет с коня,
Коснется травы рукой.

II.

Пролетит в небесах святой самолет
И опять пропадет в ночи,
Погружаясь в омут запретных вод,
Где спрятаны все ключи.

И кот уходит в ночной поход
Сразиться с силами зла.
Вот я и один — но на этот год
Одному не поднять весла.

Лишь сиди и слушай звездную тишь,
Дрожащий шепот воды.
В бесхозном подвале скребется мышь,
Пророчит вечные льды.

63

Так налей мне ведро холодной воды —
Вот-вот пахнет холодком,
И белые мухи сомкнут ряды
На блюдечке с молоком!

2004–2007

СТАРОСТЬ

Мы воскреснем из гроба, соберем себя по частям;
Незаметно для многих отслужим лето;
Самозванная осень раскрасит щеки кустам
И зальет небосвод металлически ровным светом.
Затоплю плиту, принесу холодной воды,
Отряхну хвоинку и пыль с переросшей шляпки,
И неумерший кот вернется из пустоты,
Замурлычет и сложит под грудью лапки.
Пусть машина мира опять переменит ход,
И минутная стрелка часов укажет на север,
Мы попросим о том, чтоб небесный Великий Кот
Оградил нас покоем в вечер осенний.
Мы размочим в чаю позабытый ржаной сухарь,
И тревожное завтра спрячется снова —
До утра, в сених, где стоит разломанный ларь,
А внутри темнота, и монетка для домового.

64

2007

ДЕТСТВО

Безухий заяц стоит со щитом в руке,
Охраняя мир от всех возможных врагов.
Тигра бежит и взрывает вдалеке.
Хочется спать, но я еще не готов.

Дождем на улице перемешаны провода,
Не дойти телеграмме от верных детских зверей.
Я наконец усну и вернусь туда,
Где забытое солнце по берегам морей.

Там тигра бежит и услышит вскачь на лету:
Ты куда, полосатый? — а время ему в ответ:
Я вместе с тобой! давай пронзим пустоту
Никуда не ведущих уснувших лет.

65

Поднимемся в этот воздух. Что там Икар?
Ему, пустобреху, смешно за нами поспеть,
Лишь белое солнце в обводах цветных лекал
Лижет соль, без которой (с которой) смерть.

А тигра в ответ: нам нельзя перейти черту,
За которой свет прорастает тьмой.
Все критяне лжецы, лишь я один начеку,
Я не солгу и тебя не верну домой.

Он убегает. Рык его из-за гор
Крутится колесом, обнимая всех.
Убили Петруху. Верещагин завел мотор.
Пух с Пятачком уминают снег.

2007

СОДЕРЖАНИЕ

Светлана Бодрунова. Почти магическая конструкция. О стихах Ильи Кучерова	7

часть первая
Из книги
«МОРСКОЙ КОНЕК»

ГЕРАЛЬДИКА	11
«Моя Норвегия, где я ни разу не был...»	12
«Когда над городом сгустится тишина...»	13
«Подари мне лезвие души...»	14
ШАГИ КОМАНДОРА	15
«Морозная заря качается над лесом...»	16
«Этой ночью все деревья спешат раздеться...».	17
«Когда на море падет лимонно-желтый закат...».	18
«У кошки серые глаза. Лови ее, лови!..»	19
ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ.	20

МОРСКОЙ КОНЕК

I. «Изготовится к бою лещина...».	21
II. ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА	22
III. «Береженого Бог бережет. Выйди из лодки...»	23
IV. «Анжелика уснула в своем серале...»	24
V. БАЛЛАДА О НЕРАСТРАЧЕННОМ ВОСХОДЕ	25
VI. ЭПИЛОГ	27
«По белому белым — пробеги по крышам домов...»	28
ВЕЛИКАЯ СУШЬ	29
ХОРОВОД	30

часть вторая
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

ПЕРВОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ	33
ВТОРОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ	34
«В водосточной трубе застревает нога...».	35

АДВЕНТ	36
ВЫСТАВКА	37
СПАРТА	38

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

I. «Где по мертвой бабе кричит петух...»	39
II. «Если кинешься демону в ноги...»	40
III. «Но светит из дыр преисподней...»	41
IV. «Потухшим бакенном, замеченным волной морскою...»	42
V. А вчера из навета выкинули строку...	43

часть третья ЗА ЧЕРТОЙ

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ	47
ТУННЕЛЬ ПОД ЛА-МАНШЕМ	48
ВРЕМЯ ГЕРОЕВ	50
«Одиссей обратился пшеничным зерном...»	51

ВИДЕНИЯ (СТИХИ О БОЛЕЗНИ)

I. «Говорили: последний автобус придет за мной...»	52
II. «А тридцатого ноги отнялись до плеч...»	53
III. «По-над землей пересыльной в небесах вырубают кусты...»	55
СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА	56
ЧИТАЯ В. В. РОЗАНОВА	57
ЧИТАЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА	58
«Деревья приходят ко мне поутру...»	60
БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1900 г.	61

МАГЕЛЛАНЫ

I. «У калитки нет другой стороны...»	62
II. «Пролетит в небесах святой самолет...»	63
СТАРОСТЬ	64
ДЕТСТВО	65

Илья Кучеров
СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта

Вадим Месяц

Главный редактор серии

Андрей Тавров

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
e-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Подписано к печати 14.05.2009. Формат 140×200.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Сегги Ріе»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12